

значений порождает новый семантический компонент: «медленный Франклин никогда не теряет времени именно благодаря своей нерасторопности».

Итак, «ядерное» место в семантической структуре концепта *Langsamkeit* в романе занимает значение «**истинное познание мира, человека и человеческих отношений**». К этому выводу мы пришли, исходя из относительной частотности употребления лексем *Langsamkeit* и *langsam* с этим значением в тексте романа и актуализацией смысла, отмеченного словарем лишь как потенциально возможного. Само появление этого нового значения с явным преобладанием положительной коннотации позволяет говорить о том, что это значение является концептуально важным.

Список литературы

Duden [electronic resource]. – Mode of access: <http://www.duden.de/> (дата обращения: 24.12.2016).

Nadolny S. Die Entdeckung der Langsamkeit. – München : Piper, 1983. – 384 S.

SEMANTIC REALIZATION OF “LANGSAMKEIT” CONCEPT’S REPRESENTATIVE LEXEMES IN S. NADOLNY’S “DIE ENTDECKUNG DER LANGSAMKEIT”

The paper provides an overview of “Langsamkeit” concept representative lexemes in Sten Nadolny’s “Die Entdeckung der Langsamkeit”. The components of lexical meaning of *Langsamkeit* and *langsam* are analyzed and described. The new author’s component of meaning is selected.

Keywords: concept; representative lexeme; semantic structure; semantic field; “Die Entdeckung der Langsamkeit”; Sten Nadolny.

УДК 811.111:81’234:82-1

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ (ИСС) И ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ НА ТВОРЧЕСТВО Э.А. ПО (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «THE RAVEN»)

А.Е. Баранов

Научный руководитель: В.В. Катермина,
доктор филологических наук, профессор (КубГУ)

Статья посвящена исследованию влияния измененных состояний сознания и психических расстройств на творчество Эдгара Аллана По. В статье подчеркивается, что особенности психики и характера автора всегда находят свое отражение в его произведениях.

Ключевые слова: измененные состояния сознания; патография; аддикция; Эдгар Аллан По; «Ворон».

В данной статье, воссоздавая патографию Э.А. По, мы постараемся

проследить на примере стихотворения «The Raven», как отразилось на творчестве писателя присущее его личности видение мира и переживаемые им измененные состояния сознания (ИСС): психические заболевания, алкогольная, опиумная аддикция и всевозможные «удары судьбы». В рамках представленной работы мы будем опираться на биографические данные об Э.А. По, охватывающие период его жизни от рождения в 1809 г. до первого зафиксированного упоминания стихотворения «The Raven» в 1844 г.

Нами будет использован психосемантический подход, представляющий собой группу индивидуально-ориентированных методов, позволяющих определить бессознательно действующие конструируемые человеком по отношению к миру и самому себе. Как известно, основным объектом изучения психосемантики является способ восприятия человеком окружающей действительности, «призма», через которую он видит мир.

Каждый человек воспринимает реальность по-своему. Прежде всего, это зависит от того, какой психической конституцией (характером) он обладает. А.Н. Леонтьев в работе «Деятельность. Сознание. Личность» [Леонтьев 1975: 64] рассматривает индивидуальное сознание как систему значений, данных в единстве с другими образующими – личностным смыслом и чувственной тканью. В системе представлений каждого индивида можно обнаружить специфические, присущие только ему составляющие, обусловленные его индивидуальным опытом. Данная система значений может быть задана в правилах поведения, словесных понятиях, системе образов. Ментальная модель объясняет, как индивиды представляют объекты, состояния, понимают явления, переживают события. Исследуя лексико-семантическое поле ставшего культовым стихотворения «The Raven», мы постараемся установить, как и какие события, особенности психики и образа жизни Э.А. По отразились в этом произведении.

Свидетельства о странном поведении и нездоровой психике Эдгара По берут начало в его раннем детстве и не прекращаются до последних дней жизни. Как утверждает А.В. Шувалов, ретроспективная диагностика всегда достаточно условна, но, согласно современной классификации болезней, заболевание писателя можно предположительно считать шизоаффективным психозом, осложненным алкогольной зависимостью [Шувалов 2011: 61]. Впрочем, психиатры в отношении американского писателя никогда не скупались на самые различные диагнозы. Проведем аналогии между биографией Э.А. По и его стихотворением.

Страхом, преследовавшим Э.А. По всю жизнь, был страх перед женщинами, вернее, страх их потерять. Мать По умерла, когда ребенку было два года. Когда ему было 20 лет, умерла его любимая мачеха. Через

7 лет после этого его несовершеннолетняя жена заболела туберкулезом и долгие годы находилась на грани между жизнью и смертью. Все это легло в основу мотива потерянной возлюбленной в «Вороне», в котором главный герой (ипохондрик и неврастеник) «ждал, чтоб книги дали облегчение от печали по утраченной Линор»¹ («I had sought to borrow from my books surcease of sorrow – sorrow for the lost Lenore»²).

«Quaff this kind nepenthe, and forget this lost Lenore!» – герой в императивной форме обращается сам к себе с указанием пить непентес, который, как известно из древнегреческой мифологии, представляет собой зелье, траву забвенья, лекарство от грусти, средство, чтобы забыть неприятности. В следующей строфе герой задается вопросом о возможности, шансе обрести бальзам от муки у Галаадских гор («balm in Gilead»). Бальзам Галаада – это благоухающая мазь из смолы кустарника, росшего в Галааде, применявшаяся для исцеления ран. Известно, что с целью «заглушить голоса своих внутренних демонов» и вызванную депрессивными расстройствами тоску, Э.А. По прибегал к употреблению алкоголя и опиума, который он принимал в виде экстракта. У По отмечалась непереносимость спиртного и ярко выраженное изменение психики в состоянии опьянения. На фоне алкогольного опьянения у него возникали параноидные эпизоды, ложные узнавания, идеи отношения и особого значения. Первое развернутое психотическое состояние По перенес в возрасте 30 лет. На фоне «черной меланхолии» и запоев появились устрашающие слуховые и зрительные галлюцинации. Появился бред преследования, воздействия и т.п. Таким образом, По буквально постоянно находился в измененном состоянии сознания (далее – ИСС). Согласно Чарльзу Тарту, ИСС – любое психическое состояние(я), индуцированное различными физиологическими, психологическими или фармакологическими приемами или средствами, которое субъективно распознается самим человеком (или его объективным наблюдателем) как достаточно выраженное отклонение субъективного опыта или психического функционирования от его общего нормального состояния, когда он бодрствует и пребывает в бдительном сознании [Тарт 2003: 9].

Ниже рассмотрим критерии возникновения ИСС согласно классификации В.В. Кучеренко, В.Ф. Петренко и А.В. Россохина [Кучеренко и др. 1998: 4] и сопоставим это со стихотворением «The

¹ Здесь и далее фрагменты перевода стихотворения Э. По «The Raven» на русский язык приводятся по изданию: *По Э.А. Ворон* / пер. с англ. М.А. Зенкевича [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://artsportal.ru/poetry/20714> (Дата обращения: 17.11.2016).

² Здесь и далее фрагменты стихотворения Э. По на английском языке приводятся по изданию: *Poe E.A. The Raven* [electronic resource]. – URL: <http://www.poetryloverspage.com/poets/poe/raven.html> (дата обращения: 17.11.2016).

Raven».

1. Переход от преимущественной опоры на вербально-логические, понятийные структуры, к отражению в форме наглядно-чувственных (довербальных) образов.

На протяжении всего повествования герой предпринимает попытки рационализации происходящих с ним событий: «“Tis some visitor,” I muttered, “tapping at my chamber door”», «Tis the wind and nothing more!» и т.п.

2. Изменение эмоциональной окраски отражаемого в сознании внутреннего опыта, сопровождающее переход к новым формам категоризации. Регресс к более примитивным эмоциям.

Известно влияние факторов опыта, ожиданий, установок на ИСС. Нагнетенная до предела атмосфера саспенса в стихотворении поражает своей подлинностью. Рисуемые автором душевные муки являются отображением переживаемых им самим как наяву, так и в психозе страданий и ужасов («this soul with sorrow laden», «all my soul within me burning»).

3. Изменения процессов самосознания, рефлексии и внутреннего диалога. Присутствие во внешнем диалоге фрагментов внутреннего диалога.

Строка «dreaming dreams no mortal ever dared to dream before» наталкивает на мысль, что все происходящее с героем – галлюцинация. Необходимо учитывать, что состояние сна также относится к ИСС и некоторое время после пробуждения человек еще находится под аффектом. Герой повествует: «I nodded» (глагол *nod* имеет значение, выраженное в русском языке фразеологизмом ‘клевать носом’, который, в свою очередь, указывает на утерю самоконтроля вследствие сонливости), «nearly napping» (глагол *nap* переводится как ‘дремать в течение короткого промежутка времени’ и ‘быть небрежным и неподготовленным’).

«Demon’s that is dreaming» – так говорит герой о вороне, который, по всей видимости, тоже является зрительно-слуховой галлюцинацией. При остром душевном расстройстве (психозе) сознание человека теряет характер как дифференцированный тип восприятия реальности, оно вообще покидает почву реальности и переходит в область бредово-галлюцинаторных фантазий.

Галлюцинации и бред – тоже механизмы жизни, механизмы защиты, поскольку, не будь их, душевнобольной человек мог бы совершенно разрушиться психически.

Теперь проведем аналогии с некоторыми пунктами из классификации основных характеристик ИСС исследователя Арнольда Людвиг

[Гордеева 2012: 11].

Изменение в субъективном ощущении течения времени. Искажения в восприятии, представляющие собой иллюзии в различных сенсорных модальностях, галлюцинации и псевдогаллюцинации, а также временно обострения остроты восприятия, преимущественно визуального. Навязчивая повторяющаяся ономатопеическая рифмовка на *-ore-*, рефрены («nothing more», «nevermore»), используемые Э.А. По в конце каждой строфы, в совокупности с другими деталями намекают на замкнутость хронотопа на самом себе. «Here I opened wide the door: – Darkness there and nothing more» – пространство за пределами помещения, по ту сторону двери, представляется безответным, холодным, ужасающим, а к ворону, который является гостем из «потустороннего» мира, герой обращается с фразой: «Thy (your) lordly name is on the Night's Plutonian shore» (в римской мифологии Плутон – бог подземного царства и смерти). Многократно повторяемая вороном фраза «nevermore» переводится на русский язык дословно как 'никогда больше'. Она является причиной темпорального отсечения всего будущего в стихотворении. Птицу герой считает вещью («“Prophet!” said I, “thing of evil! – prophet still, if bird or devil!”») и прислушивается к ее пророчеству. Тем не менее, герой называет ворона «bird of yore», дословно – птицей былого. Ворон, отрицающий будущее героя, с одной стороны, является символом и олицетворением враждебного внешнего мира, а с другой стороны «прошлым» героя. Таким образом, становится ясно, что причиной отсечения будущности героя (по аналогии – самого По) является его прошлое, оба из которых представляются ужасными («Other friends have flown before <...> as my Hopes have flown before»). Достигается эффект двойного поглощения, пространство-время в стихотворении становится бесконечным, зацикленным, замыкаясь на самом себе и на герое, ведь для больше «никогда и ничего» не будет, и именно он является тому причиной. Пространство произведения представляется как принципиально нерасширяемое, застывшее, а время как лишенное возможности пролонгации, отсюда – безысходность, стагнация. Перед нами предстает абсолютно замкнутая, направленная на саму себя картина мира, отсюда – мотивы опьянения и границы, так или иначе связанные с изображением ИСС.

Потеря контроля. В данном случае имеется в виду невозможность рационально объяснить происходящее, прогнать ворона, как-то повлиять на него и вообще освободиться из «клетки», в которую оказался заперт герой («And my soul from out that shadow that lies floating on the floor shall be lifted – nevermore!»). Мы можем схематично обрисовать сложившуюся ситуацию, поставив знак равенства между ключевыми понятиями стихотворения: ворон = враждебный внешний мир = несчастливое

прошлое героя = несчастливое прошлое Э.А. По = отрицание будущего = галлюцинация = отрицание самого себя и своей жизни. Примем как аксиому то, что герой = Э.А. По.

Весьма логично, исходя из всего вышеописанного, прийти к выводу, что разговор с вороном, на самом деле, является внутренним диалогом, саморефлексией, проекцией своего прошлого отрицательного опыта и душевных терзаний на самого себя. Происходит все это в ИСС, вызванном целым рядом факторов: наркотиками и алкоголем, психическими заболеваниями и нестабильной нервной системой, психосоматическими последствиями всех пережитых неблагоприятных событий, олицетворением которых в «The Raven» стала смерть Линор, на чем герой и был сосредоточен. «And the only word there spoken was the whispered word, “Lenore?”».

«*This I whispered*, and an echo murmured back the word, “Lenore!”». Эти строки взяты из строфы, в которой описывается момент, когда герой открыл дверь наружу, и перед ним предстала «тьма – и больше ничего». Мы заключили, что внешнее пространство = ворон. А разговор героя с пространством получился разговором с самим собой, так как ему ответило только эхо. Значит, и разговор с вороном тоже является разговором с самим собой. В процитированном фрагменте имеется прямое на то указание.

Все, что Э.А. По описывает в данном произведении, было пережито им самим, так как буквально каждая строка, каждый сюжетный поворот является аллюзией на его биографию. При более тщательном анализе стихотворения «The Raven» (так же, как и других произведений автора) может быть выявлено и объяснено большее количество аналогий, подтверждающих влияние ИСС и психических расстройств на жизнь, а следовательно, и на творчество По, который не мог скрыться, избавиться, убежать от самого себя и тех самых «внутренних демонов», голоса которых он и пытался заглушить с помощью алкоголя и наркотиков. В заключение можно привести цитату А.В. Шувалова: «Обратим особое внимание на то, что подавляющая часть “страшных” рассказов написаны от первого лица. В своих произведениях По анализирует свои страхи, травмы, навязчивые мысли, алкогольные видения. Почти все его главные персонажи кончают плохо. Как и сам их автор. Нет сомнений в том, что сложная и разнообразная психическая патология писателя самым заметным образом повлияла на содержание его творчества. Подчеркнем диалектическую неоднозначность психических нарушений: своеобразно расцветившая творчество и придавая ему уникальный характер, они в то же самое время оказывали губительное действие на жизнь художника» [Шувалов 2011: 62].

Список литературы

- Гордеева О.В.* Измененные состояния сознания: Природа, механизмы, функции, характеристики : хрестоматия. – М. : Когито-Центр, 2012. – 430 с.
- Кучеренко В.В., Петренко В.Ф., Россохин А.В.* Измененные состояния сознания : психологический анализ // Вопросы психологии. – 1998. – № 3. – С. 70–78.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М. : Политиздат, 1975 – 130 с.
- По Э.А.* Ворон / пер. с англ. М.А. Зенкевича [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://artsportal.ru/poetry/20714> (Дата обращения: 17.11.2016).
- Тарт Ч.* Измененные состояния сознания. – М. : Эксмо, 2003. – 288 с.
- Шувалов А.В.* «Я жребий не кляню земной». Патографический очерк об Эдгаре По // Независимость личности. – 2011. – Вып. 3 (7). – С. 56–63.
- Poe E.A.* The Raven [electronic resource]. – Mode of access: <http://www.poetryloverspage.com/poets/poe/raven.html> (дата обращения: 17.11.2016).

INFLUENCE OF ALTERED STATES OF CONSCIOUSNESS (ASC) AND MENTAL DISORDERS ON EDGAR ALLAN POE'S POETRY (AS EXEMPLIFIED IN THE POEM "THE RAVEN")

The paper is devoted to the research how altered states of consciousness and mental disorders influence the poetry of Edgar Allan Poe. This article pays particular attention to the fact that special aspects of the author's mentality and temper are always reflected in his poems and stories.

Keywords: altered states of consciousness, patography, addiction, Edgar Allan Poe, "The Raven".

УДК 821.111

КИНОСЦЕНАРИЙ КАК СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ АНТИУТОПИИ ОЛДОСА ХАКСЛИ «ОБЕЗЬЯНА И СУЩНОСТЬ»

И.А. Нецадим

*Научный руководитель: О.Л. Гиль,
кандидат филологических наук, доцент (ОмГПУ)*

В данной статье рассматривается антиутопия Олдоса Хаксли «Обезьяна и сущность». Показано, как использование элементов сценарной формы (иллюзии движения камеры, монтажной композиции, разноплановости действия) позволяет автору расширить спектр изобразительно-выразительных средств в повествовании.

Ключевые слова: Олдос Хаксли; «Обезьяна и сущность»; киносценарий; кадр; средства художественной выразительности.

Олдос Леонард Хаксли известен всему миру как писатель, перу которого принадлежат такие произведения, как «Шутовской хоровод» (Antic Hay, 1923), «Контрапункт» (Point Counter Point, 1928) «О дивный новый мир» (Brave New World, 1932), «Остров» (Island, 1962) и другие. Но о Хаксли как сценаристе, создавшем сценарии к фильмам «Гордость и предубеждение» и «Джейн Эйр», знает далеко не каждый.